

Евгений Кремнёв

КНЯЗЬ ЯРОШ

фантазия о древних славянах

Евгений Кремнёв

Князь Ярош

«Издательские решения»

Кремнёв Е.

Князь Ярош / Е. Кремнёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747312-9

Двенадцатилетний мальчик после предательства князя и набега кочевников остается один и выживает, воспользовавшись знаниями своего отца. Он прибивается к дружественному племени. Но годы спустя оно окажется в смертельной опасности и не все смогут спастись.

ISBN 978-5-44-747312-9

© Кремнёв Е.
© Издательские решения

Содержание

Эпилог	6
В засеках	7
Четыре месяца спустя	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Князь Ярош
фантазия о древних славянах
Евгений Кремнёв

© Евгений Кремнёв, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпилог

Где-то в славянских землях в дохристианские времена некий князь, измученный набегами кочевников и междуусобицами, решил увести подданных с южных границ на северо-восток и, там, в непроходимых лесах и топях, отгородившись и от степняков, и от соплеменников, основать новое недоступное княжество.

Почти девять лет княжьи холопы рубили девственные леса, превращая их в непроходимые засеки. Внутри засек они возвели укрепленное городище для князя и гридней, и большой посад для селян. Засака, глубиной почти в сотню километров, большой дугой опоясала новое поселение, с других сторон защищенное непроходимыми топами и дремучими лесами.

Покончив с засеками, князь увел холопов в старые посадки, а две сотни самых сильных и опытных работников оставил строить на засечных путях ловушки и ямы. Сам же князь с дружиной, то сторожил старые посадки, то навещался к строителям.

Главой строителей был Пивень – сын волхва, рудознатец, травник, строитель. При нем был единственный сын – Ярош – подросток двенадцати лет.

В засеках

Вверху светит солнце, но здесь – давящее нагромождение поваленных крест накрест стволов огромных деревьев. Полусумрачно и душно. Слышны голоса и шум лесной работы.

Пивень в длинной до колен рубахе, с кругами пота подмышками, стоит у ручья посредине узкого загибающегося прохода и держит в руке растение. Рядом мальчик в такой же рубахе, босой, подстриженный под горшок.

– Это, Ярко, собачий корень. Примечай, какой он и где растет. Обычно он, где посуше и рядом хоть одна береза стоит.

– А для чего он, тятя?

– А вот для чего. Берешь такой корешок. Потом... – он подбирает комок земли, отрывает мочалку корня от стебля и вминает его в кусочек почвы, плюет на него и немного мнет. – Ежели не хошь чтоб собака тебе учуяла и по следу пошла, положи этот шматочек в свой след, или лошадиный, или любой другой. Собака как его нюхнет так и все – собачьего ума лишается и больше ни на че негодна. Только стрелить ее потом надо, а то порвать может. А ежели, когда дождь пройдет, новые надо класть, эти уже негодные.

Мальчик, открыв рот, смотрит на отца.

– А еще есть така штука на человека, на следопыта... Ежели такой следопыт увяжется по следу какому, никак от него не спрячешься. Вот это для него. – Пивень достает из котомки тряпицу, наклоняется к ручью, смачивает тряпицу и, прикрыв рот, завязывает ее сзади головы. – А ну к отойди, – отстраняет он пораженного мальчика, садится на землю, достает из котомки кожаный мешочек, осторожно развязывает и вынимает оттуда продолговатую шишку хмеля.

Мальчик недоуменно смотрит на отца, потом начинает покатываться от смеха.

– Так то ж хмель, тятя!

– Так хмель-то не простой. Чего я тряпочку мокрую надел? Там в хмеле снадобье в пыль растертое. Как дыхнешь его – так все. Сдуреешь. Как та собака от корня... Как вот это снадобье готовить, надо эту тряпку не токо намочить водой, а и пописать на нее...

– Пописать!.. – закатывается мальчик.

Слышно ржание лошади.

Пивень осторожно укладывает репей назад, снимает с лица повязку, поднимается с земли. – Потом, сынок, я тебе покажу и травы и грибы, покажу как ловушку делать на тропе, да так что никакой следопыт не найдет...

Подъезжает князь. Он суров на вид, чернобород, у него толстая шея и сумасшедшие воспаленные глаза.

– Здорово, Пивень!

– Здоров, княже!

– И что там ямы, роблятся?

– А как же, князь...

...Они в другом месте засек, окруженные такими же мрачными завалами. Стоят – князь верхом – у края ямы. На дне, утыканном острыми кольями, работают люди, – Добре, добре, – сумрачно качает князь головой. – А готовую можь показать?

– Отчего ж не могу. Могу. Ток ты князь не увидишь той ямы.

– Ну, ну, холоп! – сердится князь – Веди!

Князь, вслед за Пивнем и мальчишкой, объезжает яму по узкому краю. Впереди перекресток. Они сворачивают направо, через десяток шагов Пивень остерегающе поднимает руку. Князь и сын замирают за ним.

– Ну, – строго вопрошает князь.

– Че, ну! Я сказал – не увидишь.

– А че, далеко от мене яма?

– Пять и два шага жеребца твоего.

Князь задумчиво глядит на место предполагаемой ловушки. Потом оборачивается и свистит. Через некоторое время двое чубатых гридней приводят связанного мужика в оборванной рубахе и с побитым лицом.

– Ты пошто убег в посады без моего ведома? – сурово спрашивает князь испуганного мужика.

– Так жонка у мене рожала. Вота я и убег.

– А пошто, обпившись меду хмельного, болтал тама всяко про засеки, да про знаки тайные?

– Навет то, князь! Злой навет от мово соседа. Зуб он на мене имеет. Жонку он мою хочет себе взять.

– И – возьмет. Коль у жонки мужик такой языкастый.

– Смиловивись, князь! – подается мужик к княжескому жеребцу, – Не будет такого боле! Днем и ночью на тебя робить буду! Перуна о здоровье тебе и деткам твоим просить буду!

– И без тебе есть кому просить... Так болтал, значит, про знаки тайные? Сказывай!

Холоп опускает голову.

– А жонка твоя – рабыня древлянская. Раз уже убегала, но жизни лишена не была. Ты в ногах моих валялси. Просил за дуру. Так?

Холоп опускает голову еще ниже.

– Развяжи! – приказывает он дружиннику. Тот развязывает.

Мужик потирает затекшие руки и с надеждой смотрит на князя.

– Жить хошь?

– Уж так хочется, княже, аш и не могу сказать как!

– Ежли тебе вот этот отрок, – он тыкает плеткой в ближнего гридня, – не догонит он до туда, – он указывает на дальний поворот прохода. – Отпущу, – князь сверлит его взглядом. – Разумеешь?

Пленник кивает и с ужасом глядит вперед.

– Побегешь на пять, пять и пять шагов впереди гридня. А то мой Горда больно резв. Умиг тебе догонет, коли удачи табе наперед не дать. Да, Горда?

Гридень растерянно кивает.

– Шагай! Ну! – нависает князь над холопом.

Мужик поднимает плечи, закрывает глаза и идет вперед. На одиннадцатом шаге вскрикивает и проваливается. Где-то там внизу визжит.

– Жонку и родичей холопа умертвить. Слышь, Горда?

– Да, княже.

– И соседа – тожа.

...Князь с отроками стоит на краю ямы и угрюмо смотрит на извивающегося хрипящего пленника. Ярош тоже подошел. Ему страшно, но глаз он не отводит. Князь поворачивается к Пивню. – Сделай как было! Холопа брось там!

Он отсылает гридней.

– А теперя говори, Пивень, как мне знать про ямы и ловушки.

– А-а. Это просто, князь. По знакам. Всего знаков семь. Вот пошли к развилке.

...Они стоят на перекрестке четырех проходов.

– Вот смотри, князь, на все проходы. Че увидишь такое – скажи.

Князь вертит толстой шеей. Всматривается. – Ниче не вижу, холоп, говори!

– Ага! Ну, смотри сюды. – Пивень тыкает пальцем на завал прямо перед ними. Вишь два ствола березовых, а третий рядом внаклонку. Это первый знак. Они укреплены незаметно, так

что хошь и подгниют, а все одно не повалятся. Вот туда пойдешь, значит, не вернешься. А вот сюда гляди. – Он показывает на проход, из которого только что вышли.

Князь опять пытается что-то увидеть, но напрасно.

– Не тяни, говори.

– А вон видишь, на пять шагов вперед по праву руку, два колья друг над другом торчат. Это знак.

Князь кивает. – А значит прямо можно проехать?

– Да. Это и есть настоящий путь. Сейчас тут проедешь. А потом сделаем, что не проедешь.

– Покажи как.

Пивень с сыном идут вперед, князь следом верхом.

– Ну, скоро? – не терпится князю.

– Щас, – говорит Пивень, продолжая мерно шагать. – Теперь все. – Он останавливается.

Князь недоуменно озирается. – Здесь че, говори.

– А мы, княже, над ямой стоим.

Всадник смотрит вниз. Лошадь беспокойно переступает.

– Вот вишь то бревно по леву руку, ежели его щас двинуть вверх чуток, то мы как перепелки на кольях повиснем.

– Вместе повиснем?

– Вместе, княже, вместе. Не сомневайся.

Князь сверлит глазами землю, потом Пивня.

– А, леший тебя дери! – губы всадника змеются подобием улыбки. – Смотри мне!..

Издалека слышен условный свист.

– Потом доскажешь подробно, что еще тут у тебя да как, – говорит князь и разворачивает лошадь. На секунду останавливается. – А твой малой тоже про все знаки ведает?

– Ну, да.

Князь задерживает тяжелый взгляд на мальчике. Ярошу становится жутко, но глаз он не опускает. Князь неожиданно гогочет и пришпоривает коня.

Пивень вздыхает. – Ох, лукав наш князь! Ох, лукав! Чистый ромей!..

Четыре месяца спустя

Глубокая осень. В воздухе кружатся снежинки.

Пивень с Ярошем идут по проходу в засеке. За ними десятка полтора работников с топорами. Пивень останавливается. Поднимает руку. – Все, братва! Далее – сами. Развилка нет, ловушек – тожа. Князь вас уж, небось, заждался.

Работники идут мимо, прощаются с Пивнем. – Ну, уж теперь до встречи в посадах!.. Прощевай!.. – Подбегает запыхавшийся мужик с зайцем в руке. – Вот, Пивень, как просил. На петлю словил...

Пивень берет серую жирную тушку. Осмотрев, одобрительно хмыкает, передает сыну, прощально ручкается с охотником.

Шаги и голоса стихают за поворотом, сын с отцом остаются одни.

– Ну, че, Ярко, оставим собачкам гостинца. Так, на всякий случай.

Он достает из котомки заготовленную лепешку и впечатывает ее в лошадиный след.

Они молча идут некоторое время. Проход совсем сужается. По бокам висят гирлянды высушенного хмеля. Пивень останавливается, разглядывает гирлянды, потом со значением глядит на сына.

– Ну и зачем, Ярко, мы тут встали? Говори!

Сын глядит на хмель.

– Наверное, ловушку на следопыта ставить?

– Твоя правда, сынок. На него, на самого. Про то даже князь не знает... Ну, да, ничего. Когда выйдем – доложу. Авось не прибьет.

Издали слышны крики.

– От че, не терпится, что ли! Скоро будем! – ворчит Пивень, доставая из котомки тряпицу. Он смачивает ее водой из поясного бурдючка, прикрыв рот, завязывает на шее. Хватаясь за сучки, лезет вверх по стволу, вдоль гирлянд хмеля. Лезет мягко, как кошка. На высоте почти в два человеческих роста останавливается, достает из-за пояса нож и делает прорез в продолговатой шишке хмеля, висящей напротив его носа, вытаскивает из котомки кожаный мешочек. – Отойди, сынок. Мало ли что... – Шишку, вытасченную из мешочка, Пивень осторожно просовывает внутрь прорезанной шишки, потом подмигивает сыну. – Ну, лезь сюды! – Он снимает с лица тряпку. – Да смотри – дерево не поцарапай!

– Знаю, тятя! Чай ученый!

Ярош по-кошачьи взбирается наверх, останавливается на высоте отцовского пояса.

– Гляди.

Ярош снизу вверх внимательно разглядывает шишку-матрешку.

– Ну-у. Понял что я сделал?

– Да, тятя. А для чего?

– Ага. Ну, гляди дале. – Наклонившись, Пивень рукой разворачивает голову сына в сторону завалов. – Че там видишь?

Привыкнув к полумраку, внутри засеки Ярош различает самострел, направленный в их сторону. Самострел не взведен. Он непривычно маленький – в треть боевого лука.

– Понял, батя! – восклицает сын. – Ты насторожишь его на шишку, да!?

– Ну, да. А шишка для следопыта. Токо вот насторожка для следопыта должна быть тонкая. О-ох тонкая! Это тебе не козла стрелить!

Пивень спускается вниз.

– Перво-наперво надо его завлечь. Да?

Ярош кивает.

– А как?

Сын пожимает плечами.

– А вот как!

Пивень достает из-за пазухи ожерелье, увешанное когтями, снимает его с шеи и одним из когтей – медвежьим – царапает ствол с противоположной стороны тропы.

– Что это на охотничьем языке значит?

– Ежли рядом медвежьего следа нету, значит – опасность. Самострел тама, или яма ловчая какая рядом есть.

– Верно мыслишь, сынок! И чё он будет делать, как такое увидит?

– Ну, жилу от насторожки будет искать. Или самострел тама. Ежли не найдет – яму.

– Голова, голова, сынок! А смотри сюды внутрь.

Ярош всматривается в полумрак засеки и различает большой самострел. Он тоже незаряженный.

– А теперь иди сюды, – Пивень подводит сына к противоположной стороне – там где малый самострел и гроздь хмеля. – Смотри тут. – Он подталкивает его к небольшой прогалине. Приглядевшись, сын видит в двух шагах от себя средней толщины осину. На уровне его глаз в ней просверлена круглая сквозная дыра. Внизу из-за ствола торчит оперение стрелы. Пивень отстраняет сына, протискивается внутрь и вытаскивает стрелу. Стрела несуразно длинная и без боевого наконечника. Просто оструганное острие с еле обозначенной насечкой у наверхия.

– А я, тятя, таких стрел и не видел!

– А и не увидишь, ежли сам не сделаешь.

Пивень проталкивает стрелу в дыру. – Ну, – оборачивается к сыну. – Понял че к чему?

– Не-е, не понял, тятя!

– А зайца на что в руках держишь?

Мальчик смотрит на зайца. Пожимает плечами.

– Ну, ладно, – Пивень с силой выдергивает стрелу из дыры и протискивается обратно на тропу. – Зайца давай.

С зайцем и стрелой он протискивается обратно. Прижав убитое животное к стволу, он протыкает его стрелой; и стрелу, уже вместе с нанизанным зайцем, вставляет в дыру. – А щас, Ярош, понял? – оборачивается он.

Сын напряженно думает.

– Ну дырку на что я просверлил? А-а? А наверху там у нас что?

Сын открывает рот, хлопает глазами. – А стрела прям сквозь осину торчит, да?

– Конечно.

Рот сына растягивается в победной улыбке. – Понял, тятя, понял! С той стороны на конце стрелы петля будет от верхнего самострела!

– Верно, сынок! И че?

– Ну и че. Он как пустой самострел увидит, начнет стрелу искать и зайца увидит. И захочет добычу снять...

– А ежли зайца зверь пожрет?

– А он стрелу все одно захочет посмотреть! Как же не захочет. А может он хозяина знает или еще чего.

– Верно, Ярош, что б охотник да стрелу не выдернул и не поглядел, такого ввек не бывает! Да-а, вот так... Ну а далее понятно че будет... – заканчивает Пивень задумчиво. – Малый самострел пробьёт шишку со снадобьем и конец охотнику. – Со всей осторожностью Пивень накидывает петлю на стрелу с обратной – невидимой – стороны осины.

Помолчав, он спрашивает. – А че нам сделать потом надо не забыть?

– Следы свои замести. Веточки и листья надломленные убрать. Травы не оставить примятой, – радостно тараторит сын.

– Хорошо, Ярош. Ну, давай дело доделаем, да уж и пойдем. А то князь, небось, гневается. ...Когда до выхода из засеки остается всего ничего, Пивень останавливается у ручья. – А вот сюды гляди. – Он показывает вправо, в непролазный кустарник, откуда вытекает ручей, пересекающий их путь. За кустарником возвышается привычная стена поваленных деревьев. Пивень боком протискивается меж кустов, сын вслед за ним. За стеной кустов обнаруживается что-то вроде туннеля в человеческий рост высотой, сводом которому служат поваленные деревья.

– Здорово, батя! – зачарованно восклицает сын.

– Эт знаешь, как отнорок в барсучьей норе.

– Ага.

– Так, на всякий случай. Ежли по нему пойдешь, сбоку от главного входа выйдешь.

– А можно, тятя, я по нему выйду.

– Ну, выйди, че ж. Там и встренемся. Ток ты так, из хода наружу не вылетай сильно.

Осмотрися: че да как.

– Ага. А че так, тятя?

– Ну, ты ж охотник. Ты дичину первый должен учуять. А потом уж она тебя. Когда на твоей стреле будет.

– А-а!

– Вот и не выдавай себя раньше сроку...

Пивень возвращается назад. Он стоит некоторое время, прислушивается.

– Че т тихо так. Как сгинули все.

Ярош весело несется вдоль ручья по сумрачному тоннелю, перепрыгивая через редкие пеньки. Вот впереди стена кустарника. Ясно что здесь где-то выход. Он останавливается. Вот и узкий проход. Бочком бочком он протискивается к свету. Сквозь кустарник видно, как что-то маячит впереди. Кто-то из княжьих слуг, видать. Ярош бесшумно выходит из кустарника.

Невдалеке от него – чубатый дружинник. Он склонился над чем-то. В руках у него окровавленный нож. Поначалу Ярош думает, что тот свежует кабана. Но когда его взгляд фокусируется на том, что внизу, ноги его начинают мелко-мелко трястись, а к горлу подкатывает тошнота. Под дружинником лежит тот посадский, что поймал отцу зайца. Кафтан его распахнут, рубаха от горла до пояса в крови. Ярош с шорохом, почти падая, отступает назад. Дружинник поднимает голову. Он тяжело дышит, глаза у него пьяные.

Яроша как буд-то прорывает и он начинает кричать, высоко, как заяц. – Тя-я-тя! Тя-я-тя!..

Дружинник вытирает нож о голенище грязных сапог, оглядывается по сторонам и, крадучись, надвигается на мальчика.

– Тя-я-тя-я!!! – Визжит Ярош.

– Тс-с, малой! – шипит дружинник. Он бросается на мальчика, но тот, прервав крик, боком ныряет в отнорок. Чубатый кидается вслед за ним, но путается в колючих кустах, ругается.

Мальчишка, на крыльях ужаса, несется по тоннелю. Когда Ярош почти добегают до выхода на засечный проход, мимо проскакивает всадник, направляющийся вглубь засеки.

Это князь.

Никто другой не может так уверенно и без страха двигаться по смертельно опасным лабиринтам.

Ярош замирает в нерешительности. Сзади слышится шум бегущего дружинника. Мальчишка ужом проскальзывает между поваленных деревьев и ползет вглубь завалов. Далеко ползти нельзя. Если заблудишься, никогда отсюда не выберешься.

Он забивается в сумрачную глубину, замирает.

Чубатый вихрем врubaется в кустарник, отделяющий его от прохода, и оказывается посреди засеки. Мальчишки нет. Он бежит дальше на подгибающихся от страха ногах: где-то тут ямы с кольями, о которых он ничего не ведаёт. Вон и князь впереди. Что-то разглядывает. Может пацана нагнал. Он подбегает к князю.

Князь сурово глядит на дружинника. – Эт че щенок там у тебя верещал?! Тихо кончить не мог? И откуда он там взялся?

– Не кончил я его, князь. Убег пацан. Проход там тайный есть. Из него он и выскочил. А я как раз одного посадского колол. А он увидел и орать...

Князь тяжело смотрит на чубатого. – Ладно, пацан никуда не денется. Вот Пивень... Ну-ка, напомни, что соглядатай говорил?

– А-а, – дружинник пытается успокоить дыхание. – А вот стали Пивень с пацаном от ручья и че-то они туда-сюда ходили. Ближе он никак не мог подойти, заметили бы. И че-то он пацану все показывал да рассказывал. Ага. И еще. В том месте хмелем все заросло.

– Ну! Че еще говорил?

– А потом ниче. Я ножиком попытал его. А он все: смилостивись, да, смилостивись! Ниче боле не видал! Ну, я кирдык ему и сделал, как ты указал.

Князь оглядывается вокруг: Судя по всему – место то. И от ручья недалеко, и хмель вот он висит гирляндами. Дружинник тоже приглядывается.

– Князь, гляди от! – Он показывает на свежие царапины на наклонном стволе поваленной осины.

– А ну ищи, че тама!

Чубатый осторожно сует голову в притропный кустарник. – О! Самострел, князь! Уже стрельнутый!

Он выдергивает голову назад. Переходит на другую сторону прохода. Сует голову там.

– Заяц, князь! – кричит он.

Князь спешивается. Заглядывает в полусумрак завала. Переходит на другую сторону. Там выглядывает самострел. Потом останавливается посреди прохода – руки в бока – Зайца на самострел взять? Эт как? – он задумывается.

– А ну к, стрелу тащи!

– Щас, княже!

Дружинник протискивается к стволу с зайцем и стрелой. – А еще вспомнил, князь, че сказал соглядатай, – говорит гридень из сумрака. – Он говорил, что посадский, вот тот самый, значит, мой последний, зайца Пивню притащил, петлей задушенного. Вот и чудно как-то, да, княже? Тама заяц, тута заяц висит... Зачем Пивню зайцы...

Князь стоит, раздраженно хмурит брови и пытается понять, откуда вдруг появилось ощущение надвигающейся беды. Наконец звериный инстинкт срабатывает. – Стрелу не трогай, тетеря! – кричит он как раз в тот момент, когда дружинник тянет ее к себе.

Вверху звонко поет тетива и, с недоумением, они видят, как на них опускается облачко рыжей пыли.

...Ярош потерял счет времени. Поначалу он слышал отдаленное бубнение голосов. Потом все затихло. Потом где-то кричали, и долго ржала лошадь, будто билась и не могла вырваться. А потом – тишина.

Мальчик до головной боли вслушивается в шумы завалов, но человеческих голосов не слышно. Наконец, он решается и выползает из укрытия.

В проходе долго стоит, ловя звуки. – Тишина.

Подумав, идет вглубь засек.

У гирлянд хмеля все истоптано, валяется заяц, пронзенный стрелой. Ловушка сработала, и Ярош понял на кого.

Он идет по свежему следу княжеского коня.

Идти пришлось недолго. За третьим поворотом налево след обрывается у ямы. Ярош осторожно подходит к краю.

Князь упал между кольев головой вниз. Наверное, сломал шею. Дружинник висит рядом. С его чуба до сих пор капает кровь. Лошадь упала в угол ямы, и долго билась, – угол ловушки сильно обвален.

Мальчик надолго задумывается: у него нет еды, он не знает, где отец и где дружинники. Редкие снежинки, опускаясь на землю, уже не тают. Начало смеркаться.

...Ярош идет вдоль завала, вглядываясь внутрь. Выдергивает тонкий березовый ствол, подтаскивает его к яме, опускает внутрь и осторожно соскальзывает вниз. Подбирает мутно блестящий кривой нож чубатого, не касаясь тела, снимает с него боевой кожаный пояс с ножами и пустым колчаном. Затем перерезает ремни, держащие притороченные сбоку сумы княжеской лошади. С трудом выкидывает все это наверх. Снимает седло и подседельный войлок. Обрезает княжеский колчан со стрелами и тоже отправляет наверх. Меч и лук не берет. Один слишком тяжел, другой – слишком туг. Из под крупа лошади что то блестит. Он тянет. Это серебряная цепочка. Мальчик тянет еще, и из-под лошади выдергиваются два кожаных бурдючка. К одному из них пристегнута золотая застежка в виде оленя. И это тоже улетает наверх. Потом он еще выкидывает войлок и выбирается из ямы.

Уже совсем стемнело, взошла луна. Где-то ухает филин.

Ярош нащупывает в суме кусок вяленой веprины и жадно ест. Потом открывает одну из фляжек. Запах душистый, странный. Ярош делает три больших глотка. Это хмельной мед.

Он сидит на свернутом войлоке, спиной прислонясь к сумам, и смотрит на зажатого в ладони золотого оленя. По телу растекается тепло. Становится легко и беззаботно.

Уже почти засыпая, он просовывает в завал добычу, сам протискивается далее, за колючие кусты дикой розы – чтобы защититься от близких мертвецов – заворачивается в войлок и тут же засыпает.

Ему снится кошмар: князь и дружинник по очереди, быстро-быстро, так что не видно рук, тыкают отца ножами в шею и не могут проткнуть. Шея отдается деревянным звуком, и отец улыбается в длинные усы...

Ярош просыпается.

Уже рассвело.

Где-то вверху стучит дятел.

Он садится. Сквозь ветви виден край ямы.

Ярош в мгновение вспоминает все вчерашнее: мертвецы на кольях. Нет отца. Где-то бродят княжьи слуги, хотящие его смерти.

Он долго вслушивается в шумы леса: ничего человеческого.

Привязав сумы и одеяло к толстым сучьям, он надевает пояс чубатого, заполняет пустой колчан княжьими стрелами и идет на поиски отца.

У гирлянд хмеля вытаскивает из-за пазухи припасенную тряпицу, повязывает вокруг шеи, прикрыв рот, и лезет наверх – снять самострел.

На земле Ярош пробует натяг тетивы – вполне по его силам. Он вставляет княжью стрелу – тяжелую, с закаленным наконечником. Ищет цель покрупнее. Выбирает пень, похожий на жилистую шею, торчащий наискось, шагах в тридцати, прицеливается и спускает тетиву. Стрела глухо тюкается в деревяшку.

Через несколько минут мальчик в боковом проходе. По следам он определяет, что кроме него и чубатого дружинника, никого здесь не было.

У выхода наружу он изготавливает самострел к стрельбе и прислушивается. Невдалеке слышится гай воронья. Ярош бесшумно протискивается меж кустарников.

Слева и справа от мальчика стеной тянется мрачный хаос засеки, покрытый высохшими сетями вьющихся растений. Прямо перед ним из сухого разнотравья торчат пеньки широкой просеки.

На том месте, где вчера лежал охотник, никого нет. Слева, над кустарником, кружит воронье. Мальчик понимает, *что* это значит. Он крадется в ту сторону, держа самострел наизготовку.

Кустарник растет вдоль неглубокого оврага. Овраг завален окровавленными телами посадских. На самом верху лежит охотник, поймавший отцу зайца. Лицо его попорчено стервятниками.

Отца среди убитых нет.

Ярош идет по следам. Временами останавливается и слушает птиц. Людей здесь нет. Птицу – не обманешь.

След выводит его к искусственной палисаду, устроенному на салазках из гладко оструганных бревен, которые, в свою очередь, ходят по деревянным желобам, выдолбленным в толстых дубовых бревнах. Желоба, смазанные изнутри дегтем, врыты в землю. Это – вход в засеки. Когда вход закрыт, со стороны его не видно. Но он открыт. Что странно.

Ярош долго слушает лес. Но и здесь никого нет.

С великим трудом он задвигает палисад и идет от засек по следу, через просеку, вглубь прореженного вырубками смешанного леса. Лес по пологому холму поднимается вверх, потом, так же полого, катится вниз. За вторым холмом опять слышится воронье карканье. Ярош идет на звук.

Первое, что он видит: обломок стрелы у сосны. Стрела огрская, с дырочкой на наконечнике – для свиста.

Беспорядочно, то там, то здесь, валяются обнаженные тела княжских гридней. Доспехи сняты, оружие – собрано, целые стрелы из тел выдернуты, убитые лошади – освежеваны. С двух тел – содрана кожа.

Отца нет и здесь.

Мальчик идет дальше. На песчаной осыпи, под сухой сосной, остроносый отпечаток огрянского сапога. Ярош обламывает ветку, заостряет ее с одного конца, с силой втыкает в след и, опустившись на колени, с ненавистью шепчет. – Что б ты охромел! Чтоб ты охромел! Что б ты охромел!.. – он троекратно плюет в отпечаток, – Омма! – говорит он напоследок, поднимается и идет назад, в засеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.